

Г. Ю. Карпенко¹

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева (Самара, Россия)*

В. П. ТАРСУКОВ: ВОСПОМИНАНИЕ О НАСТОЯЩЕМ

Встреча в свете Откровения

Владимир Петрович Тарсуков был явлен в моей жизни особым образом: не в фактах биографии, а во встречах-беседах, дан был вне бытового измерения.

Мне посчастливилось быть другом Владимира Петровича Тарсукова последние лет пятнадцать его жизни, а в последние лет пять мы чувствовали, что являемся еще и духовными братьями в понимании русской литературы, ее высшего религиозного призвания, в том сокровенном постижении, как оно сложилось в эпоху русского религиозного ренессанса и формульно запечатлелось в словах Д.С. Мережковского: «Литература – своего рода церковь»; она представляет собой иеротопическое пространство «богообщения», выражает высшие ценности национального самосознания.

С В. П. Тарсуковым я познакомился тогда, когда он был уже сложившимся и цельным преподавателем, вне биографических историй становления характера и научных поисков, поэтому В. П. открывался мне не в историях своей жизни, а во встречах-событиях, которые теперь в воспоминаниях образуют единый ценностный текст, сотканный из смыслов его биографии и его изумительных откровений о литературе. В. П. был наделен даром завораживать студенческие и школьные умы, да и всех, даже случайных слушателей, вдохновенной речью о таинстве художественного слова (его дочь Анна рассказывала, как в больнице, уже в последние дни жизни В. П., «пациенты» с нетерпением ожидали его возвращения в палату: В. П. своим словом нес им «свет нездешний», или, по напоминанию о Сергия Булгакова, «Свет Невечерний»). В этом смысле В. П., как и один из его любимых философов В.В. Розанов, больше хотел жить и жил в Слове с полным пониманием, что «В начале было Слово...», что «лишь Слову жизнь дана». Особенно вот этот эффект жизни в Слове был

¹ Геннадий Юрьевич Карпенко – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. E-mail: karpenko.gennady@gmail.com.

заметен в последний период, когда в силу разных обстоятельств, после перерыва встреч и телефонных разговоров мы созванивались: минут через пять после привычных фраз и бытовых сообщений о том, как идут дела, В. П. оживлялся, в себе как бы вдруг «чужа высших сил томленье». И на слух было видно, что это и о нем поэтом написано: «Земля — подножие мое. / Ее громада поднимает / Меня в иное бытие, / И душу радость обнимает». В. П. Тарсуков с любовью к русской культуре, к мудрости веков своим словом открывал просторы, горизонты и вершины смыслов, привлекая к себе в соавторы мыслителей и писателей от Платона до А. Платонова, от Гомера до Л. Губанова. Мировая культура была его Домом, а его дом остается уникальной библиотекой мировой литературы.

«Черный двор», Саяны и Екклесиаст

Судьбоносными поступками в биографии В. П. Тарсукова, случившимися в юности и в аспирантские годы, когда определяется «путь и истина и жизнь» (как по Евангелию от Иоанна), были, как рассказывал В. П., два «бегства». В юношеские годы случился «исход» из «черного двора», который затягивал в свою трясиину многих (как мы понимаем, это своеобразный архетип «пустыни», «испытания», через что проходит взыскующий истины человек), именно спасительный «ветхозаветный исход» как религиозное событие нравственного взросления: именно в таких категориях вспоминал об этом времени В. П. Усвоенный урок «черного двора» тоже был велик: человек, совершивший неблагое, теперь должен ходить и оглядываться. Такой урок был сродни Великому покаянному канону преподобного Андрея Критского: «Душе моя, почто грехами богатеши», – бесстрашная душа в социальном мире всегда с трепетом должна оглядываться на Бога в своем внутреннем средоточии.

«Второе бегство», определившее судьбу В. П. Тарсукова, было «бегством» от болезни и неминуемой смерти, когда обнаружили серьезные проблемы с легкими: В. П. надолго «приковали» к больничной койке и обрисовали дальнейшую «таблеточную» жизнь. В. П., снарядившись рюкзаком и байдаркой, убежал из больничной палаты в Саяны: они спасли его «Присутствием Создателя в созданье». Часто вспоминаемые В. П. слова В.А. Жуковского из «Невыразимого» всегда произносились им с молитвенным умилением. Саяны с реками, с трудными и опасными сплавами по ним, помимо большого физического напряжения и дыхательной нагрузки на легкие, подарили В. П. созерцание первозданной красоты: физическое и духовное «срослось» в телесной душе В. П. Это был тот миг «возвратного» творения, когда в созерцании величия и тайны одухотворенной природы очарованно восклицаешь: и я был «здесь», «Я жил во

времена...» (как у Арсения Тарковского), – и слышишь слова Господа: «Сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая». «В ней есть душа, в ней есть свобода, / В ней есть любовь, в ней есть язык...», – поэтические слова Ф.И. Тютчева «здесь» переживались как воплощенная абсолютная реальность. «Отсюда», от этих бытийных истоков, начиналось и постижение глубинных смыслов русской и мировой культуры. Слова Шеллинга о реализме, что реализм есть воплощение Абсолютного, высказанные им в «Системе трансцендентального идеализма», «здесь» не казались В. П. абстракцией, а воспринимались как воплощенная истина и переживаемая реальность Абсолютного. «Отсюда» «отодвигались» в сторону и перестраивались научные определения реализма как способа изображения человека, обусловленного обстоятельствами.

Так отменная филологическая выучка (В. П. всегда с благодарностью вспоминал своих учителей) была дополнена Откровением Саян.

Как-то американская исследовательница после моего доклада о Достоевском сказала, что так о Достоевском может говорить только человек, переживший смерть. В. П. был таким человеком, пережившим и победившим смерть. Мы с В. П. никогда не говорили о быстротечности жизни, о коротком сроке бывания на земле. В. П. глубоко понимал мудрость Екклесиаста, который утрашал человека пессимистическими словами о быстротечности жизни: «Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?.. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после. ...участь сынов человеческих и участь животных участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что всё суета!.. Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах».

Но Екклесиастом призываются не «обреченные», а «верные», живущие в служении и в благодарении Богу вопреки жгучему пессимизму. К таким «верным» относился и В. П.: ведь ему обстоятельствами жизни был оставлен абсолютный минимум, но, пройдя испытание обреченностью, В. П. «радовался радости» быть «здесь» и жить по заповедям Екклесиаста: «Всё, что может рука твоя делать, по силам делай... Итак, иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим... Делай все, что желает твоя душа, и все, чего просят глаза твои... Любое дело, которое ты найдешь себе, старайся делать как можно лучше... Только знай, что за все с тебя взыщет Бог».

Недавнее. Антропология и историософия звука «у»

Недавно мы с В. П. говорили о стихотворении Пушкина «Пора, мой друг, пора...», но не о пессимизме неизбежного «умрем», а о божественно-веселом пушкинском «И глядь», о «парности» пушкинского видения, которая открывает путь, намечает «стею» (одно из любимых слов В. П.) к духовному спасению, к «обители дальней», прорыв к ценностно-смысловой вечности: ведь вечность не время, а высшие состояния и переживания души, которые воспринимаются ею как дар и награда «не от мира сего».

А еще дольше и больше по-мужски говорили о «Безумных лет угасшее веселье / Мне тяжело, как смутное похмелье...», о потрясающе пушкинском «смутное похмелье». Если Пушкин написал «смутное похмелье», то он, пережив это состояние, знал, что это такое, точно так же, как и мы знаем. Он нам в слове исповедально передал опыт своего антропного состояния: его слово психофизиологично. Фонетически закодированное «смутное похмелье» находит свое выражение в нагнетающе повторяющемся заунывном звуке «у», вызывающем чувство безнадежности в последних словах первой строфы: «Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе / Грядущего волнуемое море». Но светлый гений Пушкина всепобеждающ. Этот «волчий» звук преодолевается поэтом в конце «Элегии», где тот же психофизиологически знакомый процесс «пития», «упивания» становится «упиванием» духовным, а звук «у» фонетически и семантически (внутри слов) смягчается: «Порой опять гармонией упьюсь... Блеснет любовь улыбкою прощальной». И тут же нам вспомнился В. Высоцкий, его стихотворение-песня «Две судьбы». Казалось бы, там так же, как и у Пушкина, «смутное похмелье», до судорог знакомое нашему современнику, звучит в его раздрающем душу стихотворении-песне: «Берега текут за лодку, / Ну, а я ласкаю глотку медовухой. / После лишнего глоточку / Глядь: плыву не в одиночку со старухой». У Высоцкого тоже все предельно психофизиологично и знакомо (вплоть до «берегов» и «лодки»). Мы не знаем, случайно или нет Высоцкий использует эту пушкинскую «парность» («не в одиночку») и узнаваемое по стихотворению Пушкина «глядь». Но тот же звук «у» звучит у него уже по-другому. У Высоцкого со звуком «у» не так, как у Пушкина. «Смутное похмелье», тоже сопровождаемое у Высоцкого «волчьим “у”», пропеваётся более протяжно и трагически угнетающе и постепенно на фонетическом – звучащем – уровне переходит в кричаще-затушающе-умирающее «а»: «Ох, пройдоха я! / Чтоб вы сдохли, выпивая, / Две судьбы мои / Кривая да Нелёгкая!»

У Высоцкого антропологическая «безнадега» на спасение, передаваемая угасающим комплексом «у-а», усилена словами: «Не спасет тебя Святая Богородица». Так, «смутное похмелье», по-мужски знакомое нам всем, объединяющее нас всех (от Пушкина до Высоцкого) и символично-психофизиологически переданное звуком «у», не только отразило разную антропологию времени Пушкина и Высоцкого, но и наметило тем самым опасную историософию России: в другое время меняется иерархия ценностей и по-другому звучит и ценностно окрашивается даже один и тот же звук. Здесь ведь в этом звуке история России отразилась.

В. П. восторгался реалистически «мышечной» точностью слов Высоцкого: «Лихо выгреб на стремнину: В два гребка на середину!» В. П. физически знал по сплаву, по преодолению речных порогов, что такое «в два гребка»: от них, от «двух гребков», зависела водная судьба экипажа, перевернется байдарка или нет.

«Натянутая струна» и Евхаристия

Есть люди, которые всю жизнь жалуются на здоровье, живут, как дребезжащая струна, и доживают до 90 лет и более. А В. П. воспринимал свою жизнь как натянутую струну: она всегда звучит ясно и чисто, а потом вдруг обрывается... оставляя после себя как камертон чистоту и ясность звука в памяти других. В. П. знал о таком своем физическом «устройстве», чувствовал свой возраст, но более чувствовал справедливость слов любимого им Г.Р. Державина: «Я в дверях вечности стою... / Почто ж терзаться и скорбеть?..»

Протоиерей Александр Шмеман в богословском сочинении «Евхаристия: Таинство Царства» пишет о том, что приобщение человека к духовным тайнам мира претворяет нашу жизнь в благодарение: «Благодарение это возносится и из радости и из печали, из глубины счастья, так и несчастья, из жизни и из смерти... Благодарение – это опыт рая». Даром благодарения был наделен В. П. Ему было за что обижаться на в чем-то обделявшую его жизнь, на непреодолимые социальные обстоятельства, но он всегда помнил слова немного не любимого им И. Бродского: «Но пока мне рот не забили глиной, / из него раздаваться будет лишь благодарность».

Православный философ Татьяна Горичева как-то сказала после жизни за границей, что в России люди по небу ходят, но не замечают этого. Я поделился с В. П. этой мыслью. Он, улыбнувшись, возразил: «Я замечаю это».

Сократический тип ученого

Владимира Петровича я отношу к сократическому типу ученых. На лекциях иногда, чтобы быстро объяснить студентам, какие бывают преподаватели как ученые, в каких «продуктах» «оседает» их деятельность, то для методической наглядности и выразительности выделяю три типа: сократический, платоновский и аристотелевский. Аристотелевский тип: ученый, вооружившись вычитанными из научных трудов понятиями, «препарирует» предмет, и ему все равно, что «патологоанатомировать», лишь бы был «предмет», содержание которого укладывается в заготовленные «формочки» понятий. Платоновский тип: ученый пишет о «предмете» из-за любви к нему, так как видит, чувствует теплоту воплощения в нем Вечной идеи. Сократический тип: ученый не пишет о «предмете», он звучащим словом о нем, в диалоге со всеми, в присутствии всех «здесь и сейчас» оживляет его, показывает и дает ощутить всем причастным теплоту воплощения в нем сокровенного содержания. Вот таким ученым сократического типа был В. П.: для утверждения Истины, чтобы она присутствовала и жила, ему нужна была не бумага, а аудитория, не письменное слово, а устное. «Здесь», среди слушателей, он «священнодействовал»: он был «литургическим» человеком. Для него язык был даже не домом, как у М. Хайдеггера, а Храмом бытия.

Слово о литературе, воплощенное В. П. а бумаге, было отражением его духовной биографии, было словом о литературе, написанном, как у Платона, по любви к «предмету» высказывания. Для В. П. высказывание о писателе было высказыванием о своей духовной биографии. В этой связи В. П. любил напоминать слова В. Ф. Эрнста из статьи «Верховное постижение Платона»: «В потрясающей мифе о пещере мы имеем некую синтетическую запись мироощущения, богочувствия и самочувствия Платона в некий определенный момент его жизни». Вот такую «синтетическую запись» представляет собой статья В. П. Тарсукова «“О Муза, я письмо от Бога” (истоки художественного мира лирики Леонида Губанова: Книга стихов “Волчьих ягоды”»». В ней рассматривается мотив судьбы Поэта, с которым согласуется внутренний голос и духовная позиция самого пишущего: «Поэт – последняя надежда Бога на земле. Он обременен священным долгом на служение, но и обречен “жить впопыхах, как свеча в передней”. Люди оставили Бога, но Он не оставил человека с открытой душой».

Вот таким человеком с открытой душой является Владимир Петрович Тарсуков.